

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 325.83

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Правительства в изгнании – суверенитет без территории?

Иван Дмитриевич ЛОШКАРЁВ

кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7507-1669

Данила Владимирович ПРОТАСОВ

стажер Института международных исследований
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: danilshabashi@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-2172-2589

ЦИТИРОВАНИЕ: Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. Правительства в изгнании – суверенитет без территории? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 127–146.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Статья поступила в редакцию 05.09.2024.
Исправленный текст представлен 18.12.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются становление и развитие феномена правительств в изгнании. Вестфальский мировой порядок утвердился во всём мире и диктует априорность территориальной сущности государства. Правительственный аппарат, как составляющая государства, также априори территориален. Правительства в изгнании выступают в качестве исключения из общего правила, поскольку претендуют на обладание суверенитетом. Авторы анализируют причины возникновения,

а также функции правительств в изгнании в историческом контексте. В общей сложности рассматриваются 44 случая правительств в изгнании. В качестве определяющих черт правительств в изгнании авторы выделяют следующие: нахождение за рубежом, желание вернуться на родину, заявление об обладании суверенитетом над определенной декларируемой территорией. Авторы рассматривают данный феномен в своем историческом развитии по следующим параметрам: связь с территорией происхождения, доступ

к декларируемой территории, наличие конкурирующих проектов в изгнании, зависимость возникновения от вооруженных конфликтов, длительность существования и их успешность, за показателем которой берется «возвращение» из изгнания. В статье делается вывод, что правительства в изгнании являются самостоятельным феноменом международных отношений. По своему функционалу подобные правительства имеют сходства с партийными оппозиционными структурами за рубежом. От простой партийной структуры подобные организации отличает признание за собой исключительного права на суверенитет над определенной территорией. Подобный суверенитет является интерсубъективным, а успех функционирования подобных структур во многом зависит от расширения этого интерсубъективного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правительства в изгнании, государство, суверенитет, вестфальский миропорядок, территориальность, исход, альтернативные правительства, легитимность, интерсубъективность.

Введение

В данной статье авторы ставят перед собой цель обобщить и систематизировать информацию за 1914–2024 гг. о правительствах в изгнании. Отбор кейсов происходил по нескольким критериям, а именно: позиционирование того или иного политического актора в качестве исполнительного или представительского органа власти¹, выполнение некоторых функций государства (в особенности дипломатических), несоответствие места пребывания и тер-

ритории происхождения (потенциального возвращения), официальное оспаривание легальности и полномочий постоянных или временных органов государственной власти на всей территории происхождения актора или ее части.

В исследовательском плане статья опирается на два метода: отслеживание каузальных механизмов (англ. *process tracing*) и сравнение групп кейсов. С одной стороны, это позволит найти сходные и повторяющиеся характеристики различных кейсов правительств в изгнании и предложить предварительные теоретические обобщения. С другой – проследить развитие и усложнение феномена правительств в изгнании за счет разделения кейсов по хронологическому и генеалогическому принципам [Bennett, George, 2005, p. 81–83, 205–206]. Применение метода отслеживания каузальных механизмов подразумевает включение кейсов в более широкий теоретический контекст, поскольку кейсы ценны не сами по себе, а только в некоторой теоретической рамке [Bennett, George, p. 207]. Поэтому в тексте феномен правительств в изгнании увязывается со сложным комплексом взаимоотношений государственного суверенитета и территории.

Вестфальский мировой порядок представляет из себя конфигурацию государств и правил их взаимодействия. Ключевое отличие вестфальского миропорядка от всех ему преследующих – это внедрение принципа *государственного суверенитета* [Лебедева, 2020, с. 27]. Безусловно, этот процесс «суверенизации» территорий растянулся на несколько столетий и окончательно завершился к концу XIX столетия, когда конфигурация государств в результате

¹ Этот критерий позволяет не учитывать различные эмигрантские объединения и «советы оппозиции», которые нередко выступают против органов власти территории происхождения, но не заявляют о себе как об альтернативном проекте государственности.

войн и колонизации включила в себя практически всё планетарное пространство [Куприянов, 2019; Тешке, 2011].

В современной политической науке дефиниции государств даются в привязке к наличию четко обозначенной территории. Так, Р. Гилпин определяет государство как централизованный аппарат управления, осуществляющий контроль над определенной территорией [Gilpin, 1981, p. 122]. В свою очередь, Р. Арон говорит, что государство – «это фрагмент земной коры, на котором находятся люди и объекты» [Aron, 2017, p. 181]. Согласно А. Вендту, именно наличие территории управления становится отличительной чертой государства в сравнении со всеми прочими структурами, будь то церковь или торговая организация [Wendt, 1999, p. 211]. Таким образом, территориальность, или пространственность, можно считать *априорным* понятием, необходимым для любого дальнейшего исследования государств.

Выделяют значительное число признаков государства. В частности, с юридической точки зрения к ним относятся публичность власти, территориальное деление, наличие налоговой и финансовой системы, правовое регулирование отношений, отделенность от общества, нацеленность на создание и распределение ресурсов [Дмитриев, Миронов, 2010; Павлов, 2018]. В политической науке понятие государства связано в первую очередь с определенной светской системой управления, сложенной для реализации коллективных целей и воплощаемой теми или иными институтами [Скиннер, 2002]. Д. Хелд отмечал, что к признакам государства прежде всего относится правовое и конституционное устройство, господствующее положение над другими институтами («суперструктура»), наличие аппарата управления, а также ряд уникальных функций: регулирование и защита ин-

дивидуальных прав, поддержка коммуникации в обществе, отражение интересов отдельных групп индивидов (если не всего общества) [Held, 2000, p. 11–55]. Согласно классическому определению Дж. Неттла, государство характеризуют коллективная природа, автономность от других институтов, деперсонализация выполняемых функций, целостность участия в международных взаимодействиях (государство как единый актор), формирование у граждан субъективной привязанности (лояльности) [Nettl, 1968]. Т. Скочпол расширила это определение, указав, что государства – это «официальные» коллективные сущности, которые стремятся к получению контроля над территориями и людьми, а также выполняют функции, выходящие за пределы интересов общества или его отдельных элементов [Skocpol, 1985]. Таким образом, в определениях государства нередко выделяют важную особенность – отделенность как от внутренних влияний (другие институты, общество, индивиды), так и от внешних (другие государства).

Суверенитет интегрален, то есть включает в себя целую совокупность различных «независимостей»/«контролей над». В частности, Ч. Тилли в своем определении государства подчеркивал, что суверенность означает территориально определенное господство над другими агентами принуждения, а не их отсутствие [Тилли, 2009, с. 78]. Его мнение разделяет М.В. Ильин, который подчеркивает, что территория и использование ее ресурсов являются опорой суверенитета как такового [Ильин, 2005, с. 23]. С.Д. Краснер выделяет четыре вида суверенитета: внутренний, «вестфальский», суверенитет взаимозависимости и международный [Krasner, 2004]. По сути, каждый из предложенных С.Д. Краснером видов суверенитета также *априорно* включает в себя территорию.

Тем не менее практика международных отношений показывает множество различных аномалий в подобном подходе. Самым ярким таким исключением можно назвать кондоминиум, то есть территорию владения сразу нескольких суверенов. К таким случаям относятся, например, англо-египетское управление Суданом (1899–1956) или китайско-японский сюзеренитет над островами Рюкю (1611–1879).

Не менее заметна другая аномалия – территории под управлением международных организаций. В данном случае суверенитет принадлежит политическим институтам, которые по определению не покушаются на суверенитет государств и зависят от их решений. Например, под прямым управлением Лиги Наций находились Вольный город Данциг (1920–1939), Мемель (1920–1923), Саарский бассейн (1920–1935). В свою очередь, Совет по опеке ООН ведал в общей сложности 11 территориями (1946–1994), включая современные Камерун, Папуа – Новую Гвинею и Палау. Однако не всегда международные организации с территориальными полномочиями принадлежат к универсальным региональным или глобальным организациям. Так, с 1995 г. округом Брчко в Боснии и Герцеговине фактически управляет многосторонний Совет по выполнению Дейтонского мирного соглашения, базирующийся в Лондоне.

Еще одна аномалия – передача суверенитета по отраслевому принципу. В частности, в 1950–1975 гг. вопросы внешней политики и обороны в ведение Индии передало княжество Сикким – ныне один из индийских штатов. Аналогично нахождение в свободной ассоциации с Новой Зеландией означает для островов Кука и Ниуэ передачу вопросов внешней политики и обороны в ведение Веллингтона

(хотя эти территории самостоятельно входят в международные организации, в частности, в Тихоокеанское сообщество). Подобный статус в отношениях с США – свободную ассоциацию – получили в 1986 г. Маршалловы Острова, Микронезия и Палау, которые при этом остаются членами ООН (в отличие от новозеландского варианта делегирования суверенитета).

Таким образом, суверенитет может быть множественным, многоуровневым и отчасти отраслевым. По этой причине, по всей видимости, суверенитет стоит рассматривать, скорее, в категориях «больше» – «меньше». То есть привязка государственного суверенитета к территории и суверенитета к государственной территории может усиливаться или ослабевать. В частности, Т. Бирстекер и С. Вебер признавали возможность существования несuverенных территориальных государств (Тайвань) или суверенных нетерриториальных государств (Палестина) [Biersteker, Weber, 1996, р. 19]. Поскольку не только суверенитет, но и привязка к территории может быть рассмотрена в шкале «больше» – «меньше», возможно дальнейшее расширение типологии Бирстекера и Вебера (таблица 1).

В нашей типологии наименее очевидными оказываются политии с частичным суверенитетом и незафиксированным территориальным охватом. По всей вероятности, наиболее явным феноменом такого типа можно считать правительства в изгнании. Примечательность этого явления для понимания связи государства, территории и суверенитета объясняется тем соображением, что такие политические единицы обладают как минимум претензией на государственность и суверенитет, но лишены территории. Претензия на контроль над территорией принципиально отличает пра-

Таблица 1. Четыре типа взаимоотношений государства, территории и суверенитета
Table 1. Four types of relationships between the state, territory and sovereignty

Государство суверенно, пространственно зафиксировано (страны с высоким или средним уровнем дохода, не состоящие в экономических и валютных союзах)	Государство суверенно, пространственно не зафиксировано (непризнанные политии; имперские политии)
Государство частично суверенно, пространственно зафиксировано (государство в «свободной ассоциации», государство – спутник великой державы, страны – члены экономических и валютных союзов, несостоявшиеся/слабые/«хрупкие» государства, в том числе Палестина)	Государство частично суверенно, пространственно не зафиксировано

Источник: составлено авторами.

вительства в изгнании от «виртуальных» государств, которые также могут воспроизводить отдельные практики государственных институтов, но, по сути, стремятся *находиться* на какой-либо территории, а не восстановить над ней контроль [Фёдоров, 2017].

В самом общем виде правительство в изгнании – это политическая организация, которая в силу тех или иных причин не обладает возможностью физического нахождения на заявляемой территории и, соответственно, лишена инструментов управления ею. Конечной целью такого правительства становится возвращение или получение властных полномочий для реализации суверенных прав на декларируемой территории. Без намерения вернуться к браздам правления над родиной подобные институты становятся попросту способами самоорганизации диаспоры. При этом само место образования правительства в изгнании в относительном выражении не обладает существенным конституирующим значением: такие политические единицы могут впервые провозглашаться как на декларируемой территории, так и вне ее (как, например, возникшее в Париже и переехавшее в Лондон польское правительство В. Сикорского – С. Миколайчика).

Один из первых случаев появления правительства в изгнании произошел

за столетие до заключения Вестфальского мира – в период Итальянских войн. Тосканское герцогство в 1555 г. оккупировало Республику Сиену. Семьсот сиенских семей не признали потери своей родины, продолжив борьбу от имени республики. Семьи бежали в город Марчиано и сражались вплоть до своего окончательного поражения в 1559 г. [Shaw, 2000].

Те или иные аристократические семьи или отдельные претенденты достаточно часто выдвигали претензии на престол, находясь за пределами родной страны. Самыми яркими тому примерами могут послужить Стюарты в изгнании (1701–1807) или Бурбоны во время Наполеоновских войн [Mansel, 2013]. Логично, что с отходом от династической трактовки суверенитета происходит смена уходящих в изгнание институтов: на смену «дворам в изгнании» и дворянским корпорациям приходят бюрократические институты – правительства. Тем не менее уже в «аристократический» период наметились основные смысловые причины существования (*raison d'être*) подобных структур: либо территория полностью входит в состав другого государства, либо на искомой родине происходит несовместимая с выживанием предыдущих правящих структур трансформация политического ландшафта.

Мировые войны как импульс для развития правительств в изгнании

Феномен правительств в изгнании как таковой зарождается в период Первой мировой войны. В результате оккупации Сербии и 99% бельгийских территорий правительства и армии этих двух стран были вынуждены вести освободительную борьбу, находясь на территории, подконтрольной странам-союзникам (1914–1918). Бельгийское правительство находилось в Сент-Адресе, сербское – на о. Корфу [Oppenheimer, 1942, p. 586].

Далее. На пространстве бывшей Российской империи во время Гражданской войны образовалось целое созвездие национальных и региональных республик – от экзотической Алаш-Орды до Ухтинской Республики. Договор о создании СССР подписали РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР. Однако органы власти Украинской, Белорусской и Грузинской народных республик не признавали смену своих правительств на советские и включение территорий в состав СССР, в связи с чем в разные годы убыли в изгнание. Правительство ГНР в изгнании не вело активной деятельности и было расформировано в 1952 г. [Kekela, 2023, p. 248–252]. Напротив, Рада БНР, созданная в марте 1918 г. в оккупированном немцами Минске, на данный момент остается старейшим правительством в изгнании².

Украинский аналог представляет интерес по двум соображениям. Во-первых, в один период с УНР недолго существовало квазигосударство Западно-Украинская Народная Республика. Это квазигосударство также сформировало правительство в изгнании, однако фактическая территория ЗУНР

была передана Польше по соглашению Й. Пилсудского и С. Петлюры [Малюта, 2007, с. 288–299]. Во-вторых, во время Второй мировой войны произошла не-санкционированная попытка партизана националистического толка Т. Бульбы-Боровца вторгнуться на территорию Советской Украины с целью восстановления структур УНР. Как объяснял сам Т. Бульба-Боронец, в установлении новых форм государственности нет необходимости, так как «с 1918 г. действует законное правительство» [Бульба-Боронец, 1981, с. 113–115].

Деятельность трех антисоветских правительств сводилась к попыткам контактировать с другими государствами и международными структурами в целях поддержания собственной легитимности, интерпретируемой представлением себя как наследников бывших государственных образований. Так, власти БНР и ГНР в изгнании направляли резолюции в Лигу Наций с просьбой признать независимость их стран, а представители УНР в изгнании выступали перед парламентами южноамериканских стран со сходными намерениями [Малюта, 2007, с. 293–294].

Во время Второй мировой войны произошел настоящий всплеск подобных аномалий. В результате оккупации со стороны стран Оси целый ряд государств получил свои правительства в изгнании. Среди них – Бельгия, Чехословакия, Греция, Нидерланды, Люксембург, Филиппины, Польша, Югославия, Франция (имеются в виду силы «Свободной Франции»)³. С внешней легитимностью и международной признанностью этих правительств всё обстояло куда прозрачнее: союзные им страны не признавали гитлеровской оккупации, так что правительства в изгнании, как правило, обладали полной

2 Rada of The Belorussian Democratic Republic site. – URL: <https://www.radabnr.org/english/> (дата обращения: 17.12.2024).

3 После 1942 г. организация стала называться «Сражающаяся Франция».

легальностью своего правительственного статуса (международный суверенитет). Примечательно, что при потере оккупированных территорий страны Оси также устанавливали правительства в изгнании, из которых какое-либо послевоенное развитие получила лишь Белорусская центральная рада (в противовес Раде БНР) [Кодин, 2021, с. 276].

Из общего правила внегосударственности выпадают бельгийское, нидерландское и французское правительства: эти структуры имели в своем подчинении колониальные территории, пользовались их ресурсной базой. В частности, правительство де Голля формально перестало быть «в изгнании» после установления контроля над Чадом, Убанги-Шари (ныне ЦАР), а затем и Алжиром. Тем не менее это не была территория страны-метрополии (фактически – территория происхождения), так что фактор несовпадения декларируемого и реального пространственного охвата сохранял свое значение. Обобщая: контроль над какой-либо территорией не снимает вопрос о нахождении политической организации в изгнании, поскольку главенствующим принципом остается установление желаемого формата властных отношений на заявленной территории происхождения.

За исключением польского и югославского, все правительства стран антигитлеровской коалиции в итоге смогли вернуться на родину. В Польше и Югославии же были установлены социалистические правительства. Югославское правительство в изгнании смогло договориться с партизанами Тито и частично (8 человек, включая премьер-министра Ивана Шубашича) войти в послевоенный кабинет, в связи с чем оно было распущено. В Польше ситуация обстояла иначе: в стране сформировалось социалистическое правительство, которое игнорировало

своих визави в изгнании. Не приняв провозглашение Польской Народной Республики (1944), польское правительство в изгнании продолжило свою деятельность [Rojek, 2004, p. 33].

Интересен прецедент прибалтийских стран. При вхождении республик в состав СССР в 1940 г. не оказалось организованной группы лиц, способной создать альтернативные правительства в изгнании. С другой стороны, в соответствии с доктриной Стимсона, США обязывались не признавать вхождение стран Прибалтики в состав СССР [Короткова, 2015]. Выходом из этого противоречия стали дипломатические представительства прибалтийских стран, исполнявшие функции правительств в изгнании. Параллельно «дипломатическому правительству» работали эстонские и литовские структуры изгнанных правительств, которые были основаны на оккупированных Германией территориях в 1943–1944 гг. и с наступлением советских войск покинули территорию своих стран. Легальность и институциональная преемственность двух прибалтийских правительств в изгнании оспаривалась многими представителями диаспоры [Made, 2008]. Пример стран Прибалтики показывает, что после окончания Второй мировой войны институциональная преемственность уступает свое значение *символической* преемственности.

Таким образом, две мировые войны послужили импульсом «расцепки» государственных институтов и территории, внешнего или международного суверенитета (признание остальными государствами) и остальных его типов, связанных с контролем над территорией. Более того, помимо кристаллизации самого механизма правительств в изгнании, в этот период происходит закрепление и нормализация самой возможности перехода политических организаций в изгнание.

Новые механизмы появления правительств в изгнании

После 1950-х годов количество подобных случаев многократно увеличилось, что неизбежно привело к появлению новых причин и траекторий развития. Так, механизм провозглашения правительства в изгнании стал популярной формой внешнего проявления для организаций, выступающих за создание *нового* государства. Правительства в изгнании ранее не существовавших государств претендуют на государственность под предлогом нелегитимности и незаконности контроля определенной территории другим государством. Иначе говоря, в идеальном пространстве искомая территория остается «серой» зоной без какого-либо правительства. Поскольку управление другого государства рассматривается как нелегитимное, организации подобного рода заявляют о себе как о правительстве, которое вынуждено временно пребывать за рубежом.

В первой половине XX в. к подобным изгнанным правительствам можно отнести Азад Хинд и Временное правительство Кореи. Правительство Индии в изгнании получило признание со стороны стран Оси, но по понятным причинам не смогло стать правящей силой в постколониальный период [Roy, 2008]. Корейское правительство оказалось более успешным, поскольку смогло создать армию, принявшую участие в борьбе с Японией. Позже многие члены освободительной организации вошли в различные составы правительства Республики Корея [Park, 2009, p. 85–92].

Антиколониальная борьба породила целый ряд правительств в изгнании, например Временное правительство Республики Алжир (базировалось в Каире, смогло *вернуться* и получить независимость) [Misra, 1962, p. 130–132], правительство в изгнании Республики Кабинда (базируется в Париже, после провозглашения независимости Анголы перешло к тактике партизанской борьбы) [Martin, 2019, p. 221–225], Временное правительство Республики Бангладеш (располагалось в Калькутте, после победы в войне за независимость участвовало в конструировании институтов власти [Lifschultz, Bird, 1979]), правительство Восточного Туркестана в изгнании (находится в Вашингтоне)⁴, Временное правительство Кабилии (пребывает в Париже)⁵ и Объединенное освободительное движение Западного Папуа (базируется на Вануату)⁶.

Кроме того, к изгнанным правительствам ранее не существовавших государств может быть отнесено правительство Сахарской Арабской Демократической Республики. Правительство САДР базируется в лагере беженцев в Алжире и контролирует небольшие области заявленной территории. Оно получило признание со стороны 41 государства [Farah, 2010, p. 62–66].

Интересным прецедентом является до сих пор действующее правительство в изгнании Южных Молуккских островов. С 1950 по 1963 г. на территории островов было создано непризнанное де-факто государство, правительство которого после военного поражения было вынуждено уйти в изгнание⁷. Несколько другой кейс – созданное

4 East Turkistan Government in exile site. – URL: <https://east-turkistan.net/> (дата обращения: 11.04.2024).

5 Portail du Gouvernement provisoire kabyle. – URL: <https://www.kabylie-gouv.org/> (In French) (дата обращения: 11.04.2024).

6 United Liberation Movement for West Papua site. – URL: <https://www.ulmwp.org/> (дата обращения: 11.04.2024).

7 Government of Republic of the South Moluccas in exile official website. – URL: <https://www.republikmalukuselatan.nl/en/> (дата обращения: 11.04.2024).

в 2023 г. правительство Биафры в изгнании. В отличие от ранее перечисленных случаев новообразованная организация не обладает какой-либо институциональной преемственностью по отношению к де-факто государству Биафра (1967–1970)⁸. Как показывают ранее упомянутые случаи, проявление насилия в борьбе за независимость правительственных организаций подобного рода ранжируется от привлечения к проблеме мирового сообщества до вооруженной борьбы.

Еще один каузальный механизм возникновения искомых организаций – это революции, которые вынудили многие правительства предреволюционных режимов отправиться в изгнание. Так, после Исламской революции в Иране среди иранской диаспоры было создано сразу нескольких структур, конкурирующих между собой за звание легитимного представительства граждан Ирана. Ими являются монархический Национальный совет за свободные выборы Ирана, Национальный Совет Сопротивления Ирана и Движение национального сопротивления Ирана. Стоит отметить, что второе из перечисленных правительств обладает куда большими ресурсами влияния (из-за коалиционного состава организации), лоббирует свои интересы в Европарламенте и Сенате США. В свое время Национальный совет сопротивления Ирана как официальный представитель подписывал от лица Ирана мирные соглашения с Ираком [Piazza, 1994, p. 9–43].

Кроме иранских организаций, к постреволюционным правительствам относятся Регентский совет Эфиопии, Роялистское правительство Лаоса⁹, Коалиционное правительство Демократической Кампучии (организация занимала место Камбоджи в ООН) [Etcheson, 1987, p. 187], Временное национальное правительство Республики Вьетнам¹⁰. В 1990-е годы Регентский совет Эфиопии отошел от политической борьбы и переформатировался в организацию культурного представительства диаспоры эфиопов и эритрейцев¹¹. Таким образом, возможно и своеобразное «примирение».

Помимо революций, предполагающих коренные изменения в общественном устройстве, к появлению правительств в изгнании может привести политическая турбулентность на определенной территории. Иначе говоря, необходимость формирования правительства в изгнании может обуславливаться потерей контроля над территорией – оставаться на территории происхождения становится невозможно. Таким образом, для политических функционеров оказывается более безопасным и выгодным стратегически «отступление» – вне зависимости от количества контролируемых квадратных километров. По этой причине были образованы Президентский руководящий Совет Йемена¹², Сирийский национальный Совет [Ходынская-Голицева, 2018, с. 18], Кветская Шудра (имеется в виду правительственная структура Талибана [организация, запрещенная

8 Biafra Republic Government in exile official website. – URL: <https://www.biafrarepublicgov.org/> (дата обращения: 17.12.2024).

9 Pillamarri A. Khamphoui Sisavatdy Laos Prime Minister in Exile // The Diplomat. – 2014. – July 24. – URL: <https://thediplomat.com/2014/07/interview-laos-prime-minister-in-exile/> (дата обращения: 11.04.2024).

10 Provisional National Government of Vietnam is a terrorist organisation // VietnamPlus. – 2018. – January 30. – URL: <https://en.vietnamplus.vn/provisional-national-government-of-vietnam-is-a-terrorist-organisation/125822.vnp> (дата обращения: 11.04.2024).

11 Ethiopian Crown Council official site. – URL: <https://ethiopiancrown.org/the-crown-council-today/> (дата обращения: 11.04.2024).

12 Ghobari M., Tolba A., Yemen president cedes power to council as Saudi Arabia pushes to end war // Reuters. – 2022. – April 8. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/yemen-president-relieves-deputy-his-post-2022-04-07/> (дата обращения: 11.04.2024).

в России] на территории Пакистана в 2001–2021 гг.) [*Dressler, Forsberg*, 2009, р. 1], Правительство национального единства Мьянмы¹³. Историческим «образцом» для этой группы может послужить республиканское правительство Испании (1939–1977) [*Нюас де Пуенте*, 2018, р. 1–3]. В большинстве своем эти политические единицы вернулись на территорию происхождения, но часто не в правительственном статусе (Испания, Сирия, Афганистан).

Особенности режима также могут создать обстоятельства невозможности функционирования той или иной структуры, претендующей на власть, в рамках текущей системы. Так, партийная оппозиция в той или иной стране при собственных неудачах на родине и плохой репутации текущего режима на международной арене может объявить себя легитимным правительством в изгнании. Например, к таковому можно отнести партии «Бонго должен уйти» Габона [*Pambou*, 2015, р. 57], Партию прогресса в Экваториальной Гвинее¹⁴, Координационный Совет белорусской оппозиции¹⁵.

Аннексии или включения в состав той или иной страны в современный период редки, но всё еще имеют место. С этой точки зрения интерес представляют два кейса: аннексия Кувейта со стороны Ирака и вхождение Тибета в состав КНР. Территория Кувейта была захвачена в 1990–1991 гг. Ираком, в результате чего было создано Временное правительство свободного Кувейта, которое пользовалось признанием всех

государств. В 1991 г. после поражения вооруженных сил Ирака правительство смогло вернуться в Кувейт [*Гассиев*, 2014, с. 96].

Случай Тибета интересен с точки зрения институционального развития. Правительство Индии выделило правительству Тибета в изгнании ряд административных полномочий по управлению территориями, где разместились тибетские беженцы. Тибетская администрация выпускает свои паспорта и «Зеленые книги», обладает собственным парламентом. Голосование по тибетским округам из-за очевидных физических преград невозможно, поэтому округа формируются за счет потомков тех, чьи предки ранее населяли ту или иную территорию [*McConnell*, 2013, р. 968–977]. Фактически Индия позволила создать правительству Тибета в изгнании «государство в государстве». В 2011 г. Далай-лама отошел от руководящей роли, сохранив лишь духовные полномочия¹⁶. Сложность совмещения духовной и политической роли заключалась в нежелании других стран портить отношения с КНР при взаимодействии с буддистским духовенством.

Общее и особенное

Обобщая ранее рассмотренные примеры правительств в изгнании, можно найти нечто общее для каждого. При фактическом отсутствии контроля над определенной территорией правительство в изгнании признает лишь соб-

13 Opponents of Myanmar coup form unity government, aimed for «federal democracy» // Reuters. – 2021. – April 16. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/opponents-myanmar-coup-announce-unity-government-2021-04-16/> (дата обращения: 11.04.2024).

14 Spain erases Equatorial Guinea from its memory // Atalayar. – 2024. – February 24. – URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/spain-erases-equatorial-guinea-from-its-memory/20240224120000197189.html> (дата обращения: 11.04.2024).

15 Coordination Council for the Transfer of Power // Belarusian opposition official site. – URL: <https://rada.vision/en> (дата обращения: 11.04.2024).

16 Burke J., Branigan T. Dalai Lama to retire from political life // The Guardian. – 2011. – March 10. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/10/dalai-lama-retires-from-political-life-tibet> (дата обращения: 11.04.2024).

ственную легитимность и легальность управления над искомой территорией. Иначе говоря, такие правительства управляют территорией в *идеальном пространстве*, тогда как физическое пространство ставит преграды для перехода виртуального в реальное. Такое нормативное восприятие территориальных отношений приводит к тому, что деятельность правительств в изгнании сводится к достижению признания со стороны других стран своего права на управление территорией (международный суверенитет по С. Краснеру), а также к непосредственному возвращению на родину, то есть к расширению числа сторонников существующего интерсубъективно государства и к уменьшению границы между виртуальностью и реальностью.

Вполне логично, что такое аномальное положение детерминирует повышенное внимание к символической стороне своей деятельности. Символическая и культурная функции, придающие характер легитимности, становятся чуть ли не основной функцией изгнанного правительства. Так, Райзман [Reisman, 1991, р. 245] утверждает, что в отсутствие юридического признания правительства в изгнании используют соответствующие символы легитимности, чтобы поддержать свои правительственные притязания и взаимодействия с международным сообществом. Важность символической стороны вопроса доказывает, например, факт ритуализированной передачи символов власти от изгнанных правительств к национальным правительствам Украины, Польши и Эстонии в 1990-х годах.

Соображение о владении территорией в виртуальном политическом

пространстве может послужить одним из ответов на вопрос о соотношении суверенитета и территории. Если выделять признание со стороны других стран как неосновную составляющую понятия суверенитета, можно с уверенностью сказать, что такие правительства могут обладать категорией суверенитета, но лишь в ограниченном смысле. Территория, так или иначе, остается одним из важнейших ресурсов поддержания жизнеспособности суверенной организации. Вне территории правительства в изгнании оказываются в зависимости от действий государств-сторонников. Во многом их единственным материальным ресурсом остаются финансы. Кувейтское правительство (1990–1991)¹⁷ и правительства стран Бенилюкса [Van der Wee, 2009, р. 231–243] во время Второй мировой войны смогли привезти с собой значительные финансовые ресурсы. Говоря о роли территории, достаточно сказать, что каждое подобное правительство стремилось к возвращению на определенную территорию.

Как полная *внетерриториальность*, так и наличие какой-либо территории под контролем еще не отнимают у подобного формирования статуса правительства в изгнании. Возвращение ставится основной целью, вопрос исполнимости подобного стремления во многом зависит от сложившейся международной ситуации, хрупкости или жесткости структур, физически контролирующих территорию. Таким образом, территориальность остается априорной категорией и для правительств в изгнании, придавая их деятельности смысл через идею возвращения на территорию.

17 Mufson S. Kuwait shapes plans to rebuild financial system, fund recovery // The Washington Post. – 1991. – February 26. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/02/27/kuwait-shapes-plans-to-rebuild-financial-system-fund-recovery/f44eb296-6c59-464f-80b0-0c58763261ec/> (дата обращения: 11.04.2024).

Таблица 2. Сравнительный анализ правительств в изгнании

Table 2. Comparison of governments in exile

Параметр, критерии оценки	Численность по критериям; всего кейсов по 44 странам (100%)
Связь с территорией происхождения	институциональная – 24 (55%) символическая – 20 (45%)
Фактический доступ к территории происхождения (повстанцы, подконтрольные регионы, никакого)	ограниченный – 12 (27%) отсутствующий – 32 (73%)
Появление в результате вооруженного конфликта	деколонизация – 11 (25%) революция – 12 (27%) оккупация – 2 (5%) эмиграция на время войны или аннексии – 16 (36%) самопровозглашение правительства вооруженной оппозицией – 3 (7%)
Возвращение из изгнания	состоялось – 20 (45%) не состоялось – 24 (55%)
Наличие конкурирующего политического проекта в изгнании	наличие – 5 (11%) отсутствие – 39 (89%)
Длительность существования	больше 10 лет – 24 (55%) 5–10 лет – 4 (9%) меньше 5 лет – 16 (36%)

Источник: составлено авторами.

Нами было выявлено 44 случая существования правительств в изгнании в 1914–2024 гг. По основным характеристикам это явление демонстрирует самостоятельность с точки зрения формы и содержания деятельности (таблица 2). В среднем такое правительство обладает институциональной преемственностью с предыдущей политической системой и, скорее, неэффективно (главная цель правительств в изгнании – возвращение), действует более 10 лет. Правительства в изгнании не являются временным отклонением от логики развития той или иной системы, но чаще представляют собой устойчивый способ институционализации политических акторов, претендующих на легальный и легитимный характер власти.

Более полному пониманию функциональной составляющей правительств в изгнании способствует рассмотрение причин их появления и альтернативность проектов внутри

института. Наиболее распространены причинами являются внешняя агрессия (война или экспансия другого государства), а также революция внутри страны. В подавляющем большинстве случаев правительства не имеют конкурирующих организаций вне своего государства. В совокупности перечисленные факторы позволяют говорить о том, что законные правительства выстраивают коммуникацию с соотечественниками за рубежом и обычно способны удовлетворить какие-либо их минимальные запросы. В иных случаях правительства в изгнании – это один из возможных способов консолидации оппозиции либо сил сопротивления внутри и за пределами представляемого государства. Ввиду полного отсутствия доступа к территории в большей части случаев эффективность сопротивления явно низкая, что показывает лишь 45% «успешных», то есть вернувшихся, правительств.

Таблица 3. Декларируемая форма правления правительств в изгнании по периодам возникновения

Table 3. Declared form of rule of the governments in exile by periods of emergence

Период возникновения	Монархия	Президентская республика	Парламентская республика	Смешанная республика
1914–1945	6 ¹⁸	4	6	4
1946–1991	2 ¹⁹	3	1	4
1992–2024	2	5	3	2
Всего	11	12	10	11

Источник: составлено авторами.

С точки зрения попыток правительств в изгнании воспроизвести деятельность государственных институтов отдельного внимания заслуживает декларируемая ими форма правления (таблица 3). В период мировых войн более частым было обращение к монархической форме правления, что было связано с эмиграцией монархов во время вооруженного конфликта и их попытками восстановить свои права после завершения иностранной оккупации.

Хотя доля монархических правительств в изгнании постепенно сокращается, чаще их замещают президентские или смешанные республики, институциональные рамки которых позволяют сохранить иерархическую структуру лидерства. Обычно это подразумевает наличие одного четкого руководителя правительства в изгнании, такое лицо может находиться на формальной должности десятилетиями и олицетворять собой весь политический проект (например, польский президент в изгнании Аугуст Залесский (1947–1972), президент Южно-Молуккских островов Йохан Манусам (1966–1992)). Данная тенденция часто не совпадает с политическим развитием на территории происхождения.

Формы правления правительств в изгнании и государств, полный или частичный контроль над которыми хотели бы получить правительства в изгнании, некомплементарны (монархия – республика, суперпрезидентство – парламентаризм). Это создает дополнительные сложности для реализации конечной цели правительств в изгнании.

Заключение

На современном этапе развития феномена (после возвращения кувейтского правительства) можно говорить о снижении роли правительств в изгнании в системе международных отношений. Изолированные внешнеполитически государства (например, Ирак при бааситах, Камбоджа при правительстве Пол Пота), обладающие альтернативным правительством в изгнании, стали редкостью. В связи с этим всем прочим правительствам становится невыгодным признание на официальном уровне того или иного изгнанного правительства. Исключением из правила можно назвать правительство САДР, а также президентство Венесуэлы в изгнании (2020–2023).

18 +1 спорный случай Бельгии во время Второй мировой войны (король не участвовал в деятельности правительства в изгнании и пребывал в Брюсселе).
19 Кейс иранского монархического правительства в изгнании – до 2013 г.

Хотя правительства в изгнании являются определенным отклонением от логики развития вестфальских межгосударственных отношений, они всё же стремятся к устранению подобной инаковости и переходу в типичное «вестфальское государство» *с территорией и суверенитетом*. Правительства в изгнании стали, по сути, партиями за границей, которые идентифицируют себя как правительство с целью придания большего веса своим претензиям. Подобное положение всё еще детерминировано территориальностью: причина существования пролегает в невозможности находиться на *территории*, а экзистенциальный смысл – в возвращении. Успешность же и эффективность работы такого правительства зависят от отношений с территориальными образованиями, то есть с государствами, как контролирующими указанную территорию, так и другими.

Список литературы

- Гассиев М.В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 93–96.
- Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Признаки государства: понимание и интерпретации // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 5–16.
- Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. – 2005. – № 4. – С. 10–28.
- Кодин Е.В. Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции // Славянский альманах. – 2021. – № 1–2. – С. 272–290. – DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03.
- Короткова М.В. Политика США по непризнанию вхождения прибалтийских республик в состав СССР // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. – С. 208–213.
- Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11–23. – DOI: 10.20542/afij-2019-4-11-23.
- Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24–35. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03.
- Павлов С.Ю. Признаки государства: основные концепции в современной отечественной юридической науке // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 406–410. – DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-406-410.
- Скиннер К. The state // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. – Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге; Москва : Летний сад, 2002. – С. 12–74.
- Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – Москва : Территория будущего, 2009. – 358 с.
- Фёдоров О.С. Характеристика проектов создания новых виртуальных государств // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 2. – С. 129–135.
- Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующемся миропорядке: роль эмигрантских оппозиционных структур (2011–2015 гг. – Сирийский национальный совет, Национальная коалиция) // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 1. – С. 17–25.

Бульба-Боровець Т. Армія без держави: слава і трагедія українського повстанського руху. – Вінніпег : Накладом тов-ва «Волинь», 1981. – 327 с. – Укр. яз.

Малюта О. Органи влади ЗУНР та УНР в екзилі у 20-40-і рр. ХХ ст.: боротьба за національну державність як форму організації повсякденного життя української еміграції // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. – 2007. – Вип. 12. – С. 287–308. – Укр. яз.

Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*. – London : Routledge, 2008. – 820 p.

Bennett A., George A.L. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. – Cambridge : MIT Press, 2005. – 331 p.

Biersteker T.J., Weber C. The social construction of state sovereignty // *Cambridge Studies in International Relations*. – 1996. – Vol. 46, N 1. – P. 1–21.

Dressler J., Forsberg C. The Quetta Shura Taliban in Southern Afghanistan // *Institute for the Study of War: Military Analysis and Education for Civilian Leaders*. – 2009. – December 21. – 11 p. – URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/QuettaShuraTaliban_1.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

Etcheson C. Civil war and the coalition government of Democratic Kampuchea // *Third World Quarterly*. – 1987. – Vol. 9, N 1. – P. 187–202.

Farah R. Sovereignty on borrowed territory: Sahrawi identity in Algeria // *Georgetown Journal of International Affairs*. – 2010. – Vol. 11, N 2. – P. 59–66.

Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

Held D. *Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy*. – Cambridge : Polity Press, 2020. – 276 p.

Hoyos de Puente J. Return projects in the Spanish Republican exile's political cultures // *Culture & History Digital Jour-*

nal. – 2018. – Vol. 7, N 1. – Article 002. – DOI: 10.3989/chdj.2018.002.

Kekelia E. National memory in exile: The case of the Georgian émigré community, 1921–2018 // *Nations and Nationalism*. – 2023. – Vol. 29, N 1. – P. 246–263. – DOI: 10.1111/nana.12870.

Krasner S.D. Sharing sovereignty: New institutions for collapsed and failing states // *International Security*. – 2004. – Vol. 29, N 2. – P. 85–120.

Lifschultz L., Bird K. Bangladesh: Anatomy of a Coup // *Economic and Political Weekly*. – 1979. – Vol. 14, N 49. – P. 1999–2014.

Made V. The Estonian Government-in-Exile: A controversial project of state continuation // *The Baltic Question During the Cold War* / Ed. by J. Hiden, V. Made, D.J. Smith. – London : Routledge, 2008. – P. 145–155.

Mansel P. Courts in Exile: Bourbons, Bonapartes and Orléans in London, from George III to Edward VII // *A History of the French in London: Liberty, Equality, Opportunity* / Ed. by D. Kelly, M. Cornick. – London : University of London Press, 2013. – P. 100–101.

Martin J.F. The front (s) for the liberation of Cabinda in Angola: A phantom insurgency // *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment* / Ed. by L. De Vries, P. Englebert, M. Schomerus. – Berlin : Springer, 2018. – P. 207–227.

McConnell F. Citizens and refugees: constructing and negotiating Tibetan identities in exile // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2013. – Vol. 103, N 4. – P. 967–983. – DOI: 10.1080/00045608.2011.628245.

Misra K.P. Recognition of the 'Provisional Government' of the Algerian Republic: A Study of the Policy of the Government of India // *Political Studies*. – 1962. – Vol. 10, N 2. – P. 130–145.

Nettl J.P. The state as a conceptual variable // *World Politics*. – 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.

Oppenheimer F.E. Governments and authorities in exile // *American Journal of International Law*. – 1942. – Vol. 36, N 4. – P. 568–595.

Park J.E. In Search for Democracy: Korean Provisional Government. – Middletown, Connecticut : Wesleyan University, 2009. – 109 p.

Pambou J.A. La fonction «dénonciative» dans le détournement de sigles, d'acronymes et d'abréviations en français du Gabon // *Synergies Afrique des Grands Lacs*. – 2015. – N 4. – P. 51–65. – Франц. яз.

Piazza J.A. The Democratic Islamic Republic of Iran in Exile: The Mojahe-din-e Khalq and its Struggle for Survival // *Digest of Middle East Studies*. – 1994. – Vol. 3, N 4. – P. 9–43.

Reisman M. Governments-in-exile: notes towards a theory of formation and operation // *Governments-in-exile in Contemporary World Politics* / Ed. by Y. Shain. – London : Routledge, 1991. – P. 238–248.

Rojek W. The Government of the Republic of Poland in Exile, 1945–92 // *The*

Poles in Britain, 1940–2000: from Betrayal to Assimilation / Ed. by P.D. Stachura. – London : Routledge, 2004. – P. 33–47.

Roy K. Axis Satellite Armies of World War II: A Case Study of the Azad Hind Fauj, 1942–45 // *Indian Historical Review*. – 2008. – Vol. 35, N 1. – P. 144–172. – DOI: 10.1177/037698360803500107.

Shaw C. The Politics of Exile in Renaissance Italy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 257 p.

Skocpol T. Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research // *Bringing the State Back In* / Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 3–37.

Van der Wee H. A Small Nation in the Turmoil of the Second World War: Money, Finance and Occupation (Belgium, Its Enemies, Its Friends, 1939–1945). – Leuven : Leuven University Press, 2009. – 494 p.

Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kg/2024.06.08

Governments-in-Exile: Sovereignty Without Territory?

Ivan D. LOSHKARIOV

PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Theory
MGIMO-University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7507-1669

Danila V. PROTASOV

Intern at the Institute of International Studies
MGIMO-University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: danilshabashi@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-2172-2589

CITATION: Loshkariov I.D., Protasov D.V. (2024). Governments-in-Exile: Sovereignty Without Territory? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 127–146 (in Russian).
DOI: 10.31249/kg/2024.06.08

Received: 05.09.2024.

Revised: 18.12.2024.

ABSTRACT. *The article studies the emergence and evolution of governments-in-exile. The Westphalian world order, which has been established globally, dictates the a priori territorial nature of the state per se. The government apparatus, as an element of the state, is also a priori territorial. However, governments-in-exile represent an exception to this territoriality, as they claim to possess sovereignty. A deeper study of governments-in-exile could provide a more complete understanding of the link between sovereignty and territory. The authors analyze the causes behind the emergence of governments-in-exile, as well as their functions in a historical context. A total of 44 cases of governments-in-exi-*

le are examined. The authors identify the following as defining features of such governments: being located abroad, aiming to return to their homeland, and claiming sovereignty over a declared territory. In the historical context, the phenomenon is studied according to the following parameters: connection to the territory of origin, access to the proclaimed territory, presence of competing exile projects, dependence on armed conflicts for emergence, duration of existence, and degree of success – understood as the ability to return from exile. The article concludes that governments-in-exile constitute a distinct phenomenon in international relations. Functionally, such governments share certain similarities with opposition

parties operating from abroad. However, their claim to exclusive sovereignty over a specific territory distinguishes them from opposition parties. This sovereignty is intersubjective, meaning that the success of such structures largely depends on the expansion of their intersubjective recognition.

KEYWORDS: governments-in-exile, state, sovereignty, Westphalian world order, territoriality, exodus, alternative governments, legitimacy, intersubjectivity.

References

- Aron R. (2008). *Peace and War: A Theory of International Relations*. London: Routledge, 820 pp.
- Bennett A., George A.L. (2005). *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge: MIT Press, 331 pp.
- Biersteker T.J., Weber C. (1996). The social construction of state sovereignty. *Cambridge Studies in International Relations*. Vol. 46, no. 1, pp. 1–21.
- Bulba-Borovets T. (1981). *Army Without a State: The Glory and Tragedy of the Ukrainian Insurgency*. Winnipeg: Volyn Society, 327 pp. (in Ukrainian).
- Dmitriev Y.A., Mironov V.O. (2010). Features of the State: understanding and interpretation. *State and Law*. No. 10, pp. 5–16 (in Russian).
- Dressler J., Forsberg C. (2009). The Quetta Shura Taliban in Southern Afghanistan. *Institute for the Study of War: Military Analysis and Education for Civilian Leaders*. December 21, 11 pp. Available at: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/QuettaShuraTaliban_1.pdf, accessed 11.04.2024.
- Etcheson C. (1987). Civil war and the coalition government of Democratic Kampuchea. *Third World Quarterly*. Vol. 9, no. 1, pp. 187–202.
- Farah R. (2010). Sovereignty on borrowed territory: Sahrawi identity in Algeria. *Georgetown Journal of International Affairs*. Vol. 11, no. 2, pp. 59–66.
- Fedorov O.S. (2017). The characteristic of projects of creating new virtual states. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. No. 2, pp. 129–135 (in Russian).
- Gassiev M.V. (2014). Relevance of the criteria of statehood set out in the Montevideo convention for research of the institute of recognition of state in international law. *Law Herald of Dagestan State University*. No. 3, pp. 93–96 (in Russian).
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 272 pp.
- Held D. (2020). *Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 276 pp.
- Hoyos de Puente J. (2018). Return projects in the Spanish Republican exile's political cultures. *Culture & History Digital Journal*. Vol. 7, no. 1, article 002. DOI: 10.3989/chdj.2018.002.
- Ilyin M.V. (2005). Sovereignty: political category shaping under the conditions of globalization. *Political Science*. No. 4, pp. 10–28 (in Russian).
- Kekelia E. (2023). National memory in exile: The case of the Georgian émigré community, 1921–2018. *Nations and Nationalism*. Vol. 29, no. 1, pp. 246–263. DOI: 10.1111/nana.12870.
- Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2018). The Syrian crisis in the transforming world order: role of Syrian emigrant opposition structures (2011–2015 – Syrian National Council, National Coalition). *Asia and Africa Today*. No. 1, pp. 17–25 (in Russian).
- Kodin E.V. (2021). Abramchik and Ostrovsky: the struggle for leadership among the Belarusian post-war emigration. *Slavic Almanac*. No. 1–2, pp. 272–290 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03.
- Korotkova M.V. (2015). The policy of the United States on non-recognition of

the entry of the Baltic republics into the USSR. 1945: *The Formation of the Foundations of the Post-war World Order*. Kirov: Raduga-PRESS, pp. 208–213 (in Russian).

Krasner S.D. (2004). Sharing sovereignty: New institutions for collapsed and failing states. *International Security*. Vol. 29, no. 2, pp. 85–120.

Kupriyanov A.V. (2019). The “Westphalian myth” and “Westphalian” sovereignty. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 11–23 (in Russian). DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23.

Lebedeva M.M. (2020). The New World Order: parameters and possible contours. *Polis. Political Studies*. No. 4, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03.

Lifschultz L., Bird K. (1979). Bangladesh: Anatomy of a Coup. *Economic and Political Weekly*. Vol. 14, no. 49, pp. 1999–2014.

Made V. (2008). The Estonian Government-in-Exile: A controversial project of state continuation. In: Hiden J., Made V., Smith D.J. (eds.). *The Baltic Question During the Cold War*. London: Routledge, pp. 145–155.

Malyuta O. (2007). Authorities of the WUPR and UPR in exile in the 20–40s of the twentieth century: the struggle for national statehood as a form of organization of everyday life of Ukrainian emigration. *Ukraine of the Twentieth Century: Culture, Ideology, Politics*. Issue 12, pp. 288–299 (in Ukrainian).

Mansel P. (2013). Courts in Exile: Bourbons, Bonapartes and Orléans in London, from George III to Edward VII. In: Kelly D., Cornick M. (eds.) *A History of the French in London: Liberty, Equality, Opportunity*. London: University of London Press, pp. 100–101.

Martin J.F. (2018). The front (s) for the liberation of Cabinda in Angola: A phantom insurgency. In: De Vries L., Englebert P., Schomerus M. (eds.). *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment*. Berlin: Springer, pp. 207–227.

McConnell F. (2013). Citizens and refugees: constructing and negotiating Tibetan identities in exile. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 103, no. 4, pp. 967–983. DOI: 10.1080/00045608.2011.628245

Misra K.P. (1962). Recognition of the ‘Provisional Government’ of the Algerian Republic: A Study of the Policy of the Government of India. *Political Studies*. Vol. 10, no. 2, pp. 130–145.

Nettl J.P. (1968). The state as a conceptual variable. *World Politics*. Vol. 20, no. 4, pp. 559–592.

Oppenheimer F.E. (1942). Governments and authorities in exile. *American Journal of International Law*. Vol. 36, no. 4, pp. 568–595.

Pambou J.A. (2015). The “denunciatory” function in the misappropriation of acronyms, abbreviations and acronyms in Gabonese French. *Synergies Afrique des Grands Lacs*. No. 4, pp. 51–65 (in French).

Park J.E. (2009). *In Search for Democracy: Korean Provisional Government*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University, 109 pp.

Pavlov S.Y. (2018). Characteristics of the State: Basic Concepts in Modern National Legal Science. *Siberian Law Review*. Vol. 15, no. 4, pp. 406–410 (in Russian). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-406-410.

Piazza J.A. (1994). The Democratic Islamic Republic of Iran in Exile: The Mojahedin-e Khalq and its Struggle for Survival. *Digest of Middle East Studies*. Vol. 3, no. 4, pp. 9–43.

Reisman M. (1991). Governments-in-exile: notes towards a theory of formation and operation. In: Shain Y. (ed.), *Governments-in-exile in Contemporary World Politics*. London: Routledge, pp. 238–248.

Rojek W. (2004). The Government of the Republic of Poland in Exile, 1945–92. In: Stachura P.D. (ed.) *The Poles in Britain, 1940–2000: from Betrayal to Assimilation*. London: Routledge, pp. 33–47.

Roy K. (2008). Axis Satellite Armies of World War II: A Case Study of the Azad Hind Fauj, 1942–45. *Indian Historical Review*. Vol. 35, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1177/037698360803500107.

Shaw C. (2000). *The Politics of Exile in Renaissance Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 257 pp.

Skinner Q. (2019). The State. In: Kharkhordin O. (ed.) *The Idea of the State in Four Languages*. Saint-Petersburg: EUSP Press; Moscow: Letniy sad, pp. 12–74 (in Russian).

Skocpol T. (1985) Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research. In Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.) / *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–37.

Teshke B. (2011). *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 416 pp. (in Russian).

Tilly C. (2009). *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992*, Moscow: Territoria Budushchego, 328 pp. (in Russian).

Van der Wee H. (2009). *A Small Nation in the Turmoil of the Second World War: Money, Finance and Occupation (Belgium, Its Enemies, Its Friends, 1939–1945)*. Leuven: Leuven University Press, 494 pp.

Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 429 pp.